

А. ГРОМОВА, В. КОМАРОВ

ПО СЛЕДАМ
НЕВЕДОМОГО

АРКТИКА

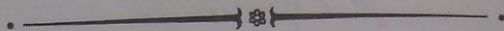
А. ГРОМОВА
В. КОМАРОВ

*

ПО СЛЕДАМ
НЕВЕДОМОГО

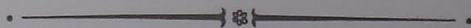
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

НИЖНИЙ НОВГОРОД

2017

АРИАДНА ГРОВОВА
ВИКТОР КОМАРОВ

ПО СЛЕДАМ НЕВЕДОМОГО

АРКТИДА

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Г87

Громова Ариадна, Комаров Виктор

Г87

По следам неведомого: Научно-фантастический роман, рассказы — Арктида-2017, Н. Новгород — 484 с.: ил. («Библиотека приключений и научной фантастики»).

В настоящий сборник включен научно-фантастический роман «По следам неведомого» и рассказы Виктора Комарова, написанные в период с 1961 по 1973 год.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

© А. Громова, В. Комаров, В. Шрейберг,
наследники
© ООО «Арктида», 2017

А. ГРОМОВА, В. КОМАРОВ

ПО СЛЕДАМ НЕВЕДОМОГО

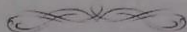
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

ВСЕСОЮЗНОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРУДРЕЗЕРВИЗДАТ
Москва 1959

Ариадна Громова, Виктор Комаров

ПО СЛЕДАМ НЕВЕДОМОГО

Научно-фантастический роман

Публикуется по изданию:

Ариадна Громова, Виктор Комаров

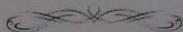
ПО СЛЕДАМ НЕВЕДОМОГО

М.: Трудрезервиздат, 1959 г.

Серия: Фантастика. Приключения

Художник Ю. Г. Макаров

ЧАСТЬ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мне очень трудно писать...

Портрет Маши стоит передо мной на письменном столе, и мне больно смотреть на ее лицо, такое живое и веселое. Ведь это из-за меня она поехала в далекие края, навстречу таинственной и грозной опасности...

Рука слабеет, пальцы сами разжимаются, не хотят держать перо. К тому же я чувствую себя и физически все еще довольно скверно. Я уже давно поднимаюсь и хожу по комнате, но до сих пор мучают жестокие головные боли, одолевает слабость. Волосы лезут прямо пучками... Но врачи уверяют, что выздоровление близко, да я и сам чувствую, что почти с каждым днем мне становится все лучше.

Я не хочу больше ждать. За работой и тоска немного отступит, и вообще выздоровеешь скорей, чем если будешь по-прежнему валяться на диване или бессмысленно слоняться по комнате, то и дело взглядывая на портрет

климатическая страна Дарджилинг. Через Сикким проходит главный путь из Индии в одну из любопытнейших частей Китая — заоблачный Тибет.

Наша журналистская группа сначала направилась в Дарджилинг. Там предполагалось пробыть несколько дней, нанять носильщиков, а затем двинуться в горы через Катманду. Дело в том, что очень многие носильщики-шерпы живут в Дарджилинге, хоть родина их Непал. Тут же живут и Норки Тенсинг. Для него построили домик на средства, собранные по подписке в Индии и Непале. Шерпы — это горное племя, происхождением из Тибета, и язык их больше похож на тибетский, чем на непали — официальный язык Непала. Впрочем, почти все они понимают по-английски. Это — самые лучшие носильщики и проводники в горах. Они хорошо переносят разреженный воздух и ледяной холод гор, легко ходят по опаснейшим склонам с тяжестями за спиной.

Все это нам объяснили еще в Калькутте, откуда мы поездом отправились в Дарджилинг. Можно было бы лететь

самолетом, но мы не так уж торопились; к тому же говорили, что поезд идет по замечательным местам.

И действительно, тут было на что посмотреть! Я северянин, и у меня временами прямо голова кружилась от этого обилия красок и запахов. Дорога по ту сторону Ганга на протяжении многих километров шла прямо через чащу девственного тропического леса. Наши северные леса с их строгой красотой не дают даже прибли-

тельного представления о варварской пышности джунглей. Деревья здесь до такой степени перевиты лианами — диким перцем, виноградом, орхидеями самого причудливого вида и окраски, — что все это образует сплошную непроницаемую завесу. Воздух густой, влажный и пропитан крепчайшей смесью запахов, таких же резких и раздражающих нервы, как краски здешних цветов.

— Это же невозможно! — невольно вырвалось у меня, когда поезд врвался в эту дурманящую чащу.

— Здесь все возможно, — сказал англичанин Монтегью Милфорд.

Меня еще в Калькутте очень заинтересовал этот высокий худощавый человек с бронзовым от тропического солнца лицом и ярко-голубыми глазами. Я хорошо знаю английский язык и охотно беседовал с Милфордом. Он долго жил в Индии, бывал в Непале и Тибете. Говорил он очень спокойно и немного медлительно, но я, несмотря на живость своего характера, даже радовался этому, — так легче было понимать английскую речь. А разносторонние познания этого англичанина меня поражали — особенно когда он рассказывал об Индии, о Гималаях, о Тибете. Благодаря ему я еще до отъезда из Калькутты узнал массу полезных вещей и твердо решил во время всего путешествия

— Хочешь, сагиб, я буду переводить? — обратился он к Милфорду на довольно чистом английском языке.

Милфорд усмехнулся и внимательно посмотрел на мальчишку.

— Ну, что ж, — сказал он, немного подумав. — Ты можешь объяснить этим людям, что мы не хотели причинить им зла?

— Я сделаю лучше, сагиб! — лукаво улыбаясь, ответил мальчишка, и, повернувшись к супругам-туземцам, с величайшим азартом начал говорить, поднимая глаза вверх и трясая головой.

В ораторских талантах нашего неожиданного помощника сомневаться не приходилось. Мрачный горец выпустил рукоять ножа, лицо его просветлело. Женщина открыла лицо и улыбнулась (кстати сказать, лучше бы она этого не делала: зубы у нее оказались совсем черными от бетеля). В толпе, окружавшей нас, раздались одобрителльные возгласы.

В общем, мрачная эта сцена закончилась более, чем благополучно. Муж сам предложил нам сфотографировать его вместе с женой. Мы, пораженные, уставились друг на друга.

— Да ну его к дьяволу! — сказал совершенно сбитый с толку Массимо Торе. — На что мне этот красавец?

— Снимайте, коллега! — серьезно посоветовал Милфорд.

Торе сделал несколько снимков, мы через нашего маленького переводчика пообещали супружеской чете вскоре доставить портреты и ушли с базара.

Мальчишка пошел с нами. По дороге мы с Милфордом расспросили его. Оказалось, что он шерп из Соло-Кхумбу. Звали его Анг Норбу. Отец его, проводник, год тому назад погиб во время экспедиции в горах. Мать давно умерла. Старшая сестра вышла замуж и переехала в Дарджилинг. Анг после смерти отца приехал к ней. Английскому языку его выучил отец.

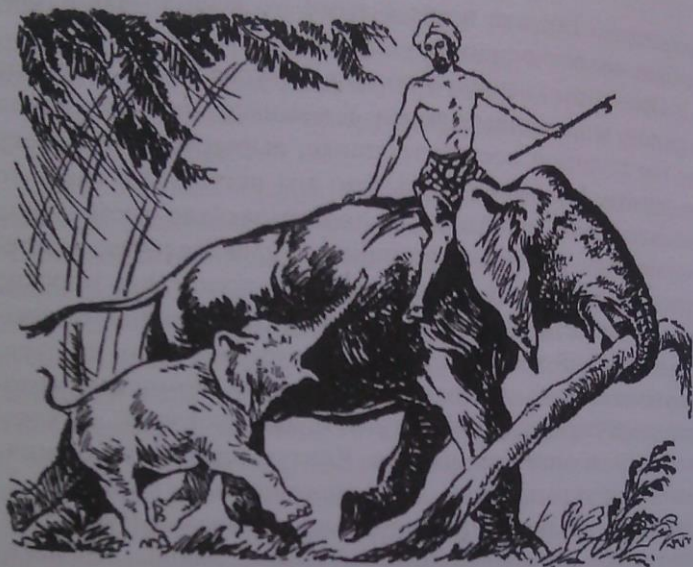
— Монти, не надо расспрашивать Анга! — взмолился я. — Наоборот, надо скрыть от него, что мы видели пластинку... Я же обещал ему...

— Вы обещали, а я нет! — возразил Милфорд. — Я ничего и не знал. И мы все равно уже не сможем запаковать эту пластинку по-прежнему.

Я повертел в руках оболочки амулета и вынужден был признать, что Милфорд прав. Где мы достанем такие нитки, которыми он был зашит, кто сумеет повторить такие своеобразные стежки, которые сохранились кое-где...

— И вообще, Алек, — добавил Милфорд, без малейшего сочувствия наблюдавший за моими попытками уложить все по-прежнему, — дело серьезное, и к черту сантименты! Я сам поговорю с Ангом, и вас сумею выгородить — вы ведь, действительно, ни в чем не виноваты.

К вечеру пришел Анг. Милфорд усадил его и рассказал, что случилось. Когда Анг понял, что амулет открыт, глаза его закатились под лоб, он сполз со стула и с глухим стоном ничком повалился на пол.

— Слушайте, Монти, нам далеко? — спросил я, налюбовавшись слоненком. Впопыхах обувшись утром, я теперь стер ногу, и она изрядно побаливала.

— Он говорит, — четыре часа ходу от Дарджилинга, — Милфорд кивнул на проводника. — Мы идем всего два часа. Наберитесь терпения.

Навстречу нам шло семейство горцев лептха. Впереди шагал мужчина с высокой плетеной корзиной за плечами — нес он корзину, по горному обычаю укрепив ее на широкой повязке, охватывающей лоб: так легче, ремни не давят грудь и плечи, не мешают дышать. Так ходят и проводники в горах. За ним шла женщина в полосатой кофте и пестрой юбке, повязанная платком, — тоже с корзиной за плечами, — и растрепанная девочка, тащившая высокий выдолбленный ствол бамбука — в таких оригинальных сосудах здесь носят воду и вообще жидкости. Рядом с ними бежала маленькая, очень мохнатая, серая с белым собачка. Все они направлялись на базар в Дарджилинг.

и буддийских и индуистских; эти своеобразные строения накладывают свой отпечаток на весь город. И дворцов много. Они окружены садами, обнесены высокими кирпичными стенами. Еще не так давно жители Катманду с ужасом глядели на эти стены — за ними совершалось немало кровавых и подлых дел. Магнаты ста семей из рода Рана, которым принадлежат эти дворцы, целое столетие поддерживали в Непале жестокий деспотический режим. Рана угрозами и казнями ограждали страну от проникновения чужеземцев, чтобы держать народ в темноте и повиновении. Сами-то они вовсе не сторонились чужеземного влияния! За сто лет в страну не завезли ни одного станка, ни одной машины, а во дворцы Рана кули на плечах тащили через горные перевалы все — от автомашин и зеркальных шифоньеров до безвкуснейших безделушек.

Конечно, в Катманду немало и жилых домов, — да и вообще город этот чрезвычайно оживленный. Живет в нем около 110 тысяч человек, и на узких улочках, замощенных

У шерпов нет ни городов, ни больших сел; мы шли в самое большое из местных селений — Намче-Базар, расположенное поблизости от монастыря Тьян-боче.

Шерпов всего около ста тысяч; они монгольского происхождения, и название их племени означает «человек с востока». Хотя из Тибета они переселились сюда очень давно, многие из них принадлежат к приходу большого тибетского монастыря Ронгбук, находящегося по ту сторону Эвереста, и ходят туда молиться через высочайший снежный перевал; из Тибета идет сюда соль, вяленое мясо яков, некоторые товары. Шерпы вообще сами производят почти все, что им нужно, и только кое-какие мелочи покупают в проходящих караванах, — на территории шерпов нет ни рынков, ни торговых складов. Но они ни в чем не терпят недостатка и питаются, хоть грубо и однообразно, но сытно.

Главная опора человека здесь — як. Он дает молоко, масло, грубую шерсть

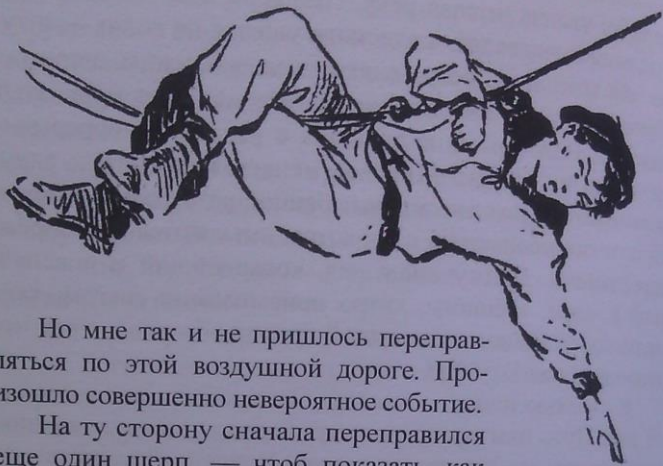

что монахи запрещали здесь охоту. Наши охотники застонали от огорчения, узнав об этом запрете, — кругом важно прохаживались гигантские горные индейки и фазаны, спокойно щипали траву невдалеке от яков стройные кабарги; где-то в зарослях бродили черные волки, снежные барсы, гималайские медведи...

Здесь наша экспедиция, как я уже говорил, разделилась. Наиболее слабые собирались просто отдохнуть перед обратной дорогой и походить у границы вечных снегов — авось, увидят «снежного человека». Тем, кто чувствовал себя достаточно здоровым и подготовленным, предлагался маршрут: пойти к деревне Дингбоче — летнему селению шерпов, оттуда совершить поход вдоль гигантской ледяной стены Нуптзе и подняться на сравнительно небольшой, но интересный для восхождения пик Чукхунг. Это был, по-моему, хороший альпинистский маршрут, и я с удовольствием пошел бы с этой группой... Но где там! Мы с Милфордом направлялись на ледопад Кхумбу.

Но мне так и не пришлось переправляться по этой воздушной дороге. Произошло совершенно невероятное событие.

На ту сторону сначала переправился еще один шерп, — чтоб показать, как это делается, — потом Лоу. За ним полез Анг. Его страховал муж сестры — обмотал вокруг себя веревку, конец которой был обвязан вокруг пояса мальчика. Не пройдя и половины пути, Анг замер, судорожно вцепившись руками в веревку. Лакпа Чеди что-то крикнул ему. Анг махнул рукой, указывая вниз, — и сорвался с веревки. Шерп резко откинулся назад, натягивая страховочную веревку. Анг сильно ударился о стену и безжизненно повис, перегнувшись в поясе. Его вытащили, дали глотнуть коньяку из фляги Милфорда. Едва открыв глаза, он вскочил и снова упал. Он крикнул что-то по-шерпски, указывая на расщелину. Лица шерпов выразили удивление и страх. Потом Лакпа Чеди обвязался веревкой и спустился в трещину.

— Там его отец, — тихо сказал Милфорд. — Невероятно!

Действительно, произошло то, что могло показаться чудом не одним только шерпам. Пролежав с осени до весны в ледяной пещере, образованной спаявшимися глыбами, труп отца Анга уцелел при всех подвижках ледопада: новая трещина открыла пещеру, и теперь шерпы вытащили труп на поверхность.

нефрита и клочок белой шерсти. Он сел на корточки перед Милфордом и начал осторожно протирать ему лицо этой шерстью, смачивая ее в какой-то пахучей жидкости из чаши. Я почти равнодушно следил за ним; однако через минуту Милфорд пошевелил губами. Монах протер ему уши и ноздри, провел клочком шерсти под подбородком. Милфорд открыл глаза. Монах встал и, что-то сказав, ушел в пещеру.

— Я умираю? — шепотом спросил Милфорд.

— С чего вы взяли, Монти! — запротестовал я.

— Он сказал, что я сегодня умру. — Я понял, что он говорит про монаха. — Да я и сам знаю! — Лицо его мучительно искривилось, не то от боли, не то от ужаса: он, должно быть, вспомнил все. — Помогите мне подняться.

— Не надо, Монти, — поспешно сказал я: мне не хотелось, чтоб он видел Анга. — Сейчас придут шерпы с носилками.

— Откуда шерпы? — вяло удивился Милфорд. — Я долго был без сознания? — Он с видимым усилием поднес

Обратная дорога прошла для меня, как в тумане, — от боли, слабости и горя я почти ничего не видел кругом, да и не хотел видеть: все сразу опротивело.

Из Катманду меня самолетом отправили в Дели. Оттуда вскоре самолетом же — в Москву.

За эти дни я не раз вспоминал о предсмертных словах Милфорда. Я вез с собой все, что он велел взять, — пластинки, катушку пленки и голубой прибор. Но я запаковал все это вместе и даже не хотел вынимать и разглядывать. Странная пассивность, рожденная, как я думал тогда, усталостью, не позволила мне даже обдумать, верна ли теория Милфорда о происхождении пластинок. Я не мог думать. Одно я знал твердо: что последнюю волю Милфорда выполню. Покажу все это в Москве и пусть решают... Пусть решают, а сейчас я ни о чем думать не могу. Не хочу думать, не хочу помнить... устал, смертельно устал. Я не знал тогда, сколько сил мне понадобится вскоре, — но будто бессознательно копил их, временно выключая себя из окружающего мира. Впрочем, сейчас для меня ясно, что дело было не только в усталости и нервном потрясении. Очевидно, возле черного храма я получил, хоть и не смертельную, но все же солидную дозу радиации...

Так закончилась для меня эта страшная и необычайная весна в Гималаях.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Когда я вошел в свою комнату и распахнул дверь на балкон, все недавно пережитое показалось мне сном. Вот он, с детства знакомый зеленый московский дворик. И старый тополь, доверчиво просунувший сквозь железные прутья балкона свои ветви, убранные седым пухом. В углу на веревке сохнет детское белье — это тетя Поля вывесила трусики и платьица своей внучки Танюшки; когда я был мальчишкой, там висели, кажется, точно такие же трусики и цветастые платьица, только носила их тогда Танюшкина мама, Валька, — ох, и отчаянная же была девчонка! Да вот и сама Валька, Валентина Петровна Стахеева, техник-электрик, спешит на работу. Дом уже проснулся. Мамаши и бабушки выкатывают колясочки во двор, выбегают ребятишки, дворник на зависть им пускает то туда, то сюда шипящую и сверкающую струю из шланга...

Я стоял, держась за перила балкона. Мне доставляло какое-то особенное, почти болезненное удовольствие

— Ну, хорошо, хорошо, —
успокаивающе сказала Ма-
ша. — У тебя что, с сердцем
неладно?

— Нет-нет, не волнуйся, —
сказал я, но тут же почув-
ствовал, что и вправду не-
ладно. Меня охватила стран-
ная, почти обморочная сла-
бость, я откинулся на спинку
дивана и закрыл глаза. Сла-
бость медленно проходила.

— Я сейчас вызову скорую помощь, — заявила Маша. —
Так нельзя, в конце концов.

— Машенька, пожалуйста, не надо никого вызывать, —
запротестовал я. — Мне уже лучше. Просто я очень устал.

— Нет, ты болен, Шурик, — настаивала Маша. —
Я даже слов таких от тебя раньше не слыхала — устал.

— Раньше со мной и не происходило ничего похоже-
го на то, что я недавно пережил!

Я поднялся, вытер холодный пот, проступивший на
лбу, отпил воды, и почувствовал себя вполне сносно. Мне
было немного совестно перед Машей, — веду себя, как
слабонервная барышня, чуть обморок не закатил, — но,
в конце концов, что поделаешь? Видно, долго будут мне
помниться Гималаи и черный храм!

Я распаковал сверток. Фотографии были где-то внут-
ри, и я сначала достал пластинки. Маша, затаив дыхание,
осторожно взяла пластинку, поглядела на нее, потом по-
ложила на стул и нервно отдернула руку.

— Они не опасны, — сказал я, — не радиоактивны.

— Да я не потому, — глухо проговорила Маша. —
Только мне кажется, что они пропитаны человеческой
кровью...

Должно быть, Маша за эту ночь многое передумала.
Она по-прежнему не верила ни в каких марсиан, но по-
настоящему поняла, что мне довелось пережить подлинную

— Но ведь речь идет не только о приборе... — возразил я.

— Разумеется, не только! Пластинки-то ваши, в том числе и т-талисман, — почему-то это слово его особенно злило, — они ведь тоже из пластмассы... Ну, или, скажем, вообще из синтетических материалов!

— Разве? — пробормотал я растерянно.

— Да уж поверьте! Или, если угодно, обратитесь к... ну, к признанным авторитетам, как вы изволите выражаться, только уж, пожалуйста, в области химии... да-с, органической химии, а не археологии... Не археологии, молодой человек!

Я так растерялся, что начал бормотать что-то несвязное... потом опять говорил о талисмানে, о храме и Черной Смерти... о Сынах Неба... Он слушал меня все с той же желчной гримасой. Наконец ему надоело.

— Да выбросьте вы из головы всю эту чепуху! — прогремел он, вставая, в величайшем негодовании. — Скажите, пожалуйста, — из поколения в поколение передавалась вещь из ультрасовременного материала! Это

Честно говоря, если б я и обратил внимание, то не придал бы этому никакого значения. Сейчас я начал лихорадочно соображать.

— Да, ведь у Марса на самом деле два спутника! — вспомнил я. — А у Юпитера?

— У Юпитера их и в самом деле двенадцать. Но дело-то в том, что десятый и одиннадцатый спутники были открыты астрономами в 1938 году, а двенадцатый — и того позже, в 1951!

— Позвольте, Арсений Михайлович! — я недоумевал, почему он так радуется. — Но ведь это — еще одно убедительное доказательство, что пластинка вполне современная!

— А почему тогда у Марса тут всего один спутник? Фобос и Деймос были известны давно, еще с 1877 года.

Я пожал плечами, ничего не понимая... Кто их знает, почему они нарисовали один! Может быть, просто упущение в чертеже...

— Этого я не думаю, чертеж сделан очень точно и старательно, — возразил Соловьев. — Тут скорее напрашивается предположение, что этот чертеж относится к тому времени, когда у Марса еще не было второго спутника.

— То есть, вы хотите сказать, что его еще не открыли? — переспросил я. — Но как же тогда обстоит дело со спутниками Юпитера?

— Нет, я хочу сказать другое: что второго спутника тогда еще не было! Вы не понимаете? Я вам сейчас объясню...

Мы сидели в обсерватории. Соловьев вдруг весело улыбнулся и прошелся по комнате. Я даже в те часы, в совершенно потрясенном состоянии, любовался им. Мне казалось, что это типичный ученый будущего века — не гипертрофированный мозг, подавляющий своей мощной работой хилое тело, а существо высшего порядка, в организме

Я уж не говорю о том, что многие из тех, с кем беседовал Соловьев, прежде всего опасались дипломатических осложнений и даже не хотели поозтому вникать в существо дела. Ведь и вправду — как благовидно истолковать мое поведение (а если не говорить обо мне, то как же вообще объяснить, откуда у нас пластинки)? Как организовать экспедицию,

которая должна будет проникнуть в таинственный храм, прочно охраняемый суеверным ужасом туземцев? Как объяснить англичанам гибель Милфорда? Как рассказать непальцам о смерти Анга? Как заставить шерпов снова идти в проклятое ущелье, как добиться, чтоб они побольше рассказали обо всей этой истории? Мы оба хорошо чувствовали, что у большинства наших собеседников возникает прежде всего желание отделаться от этой неприятнейшей истории и ни в коем случае не раздувать ее. И мы их понимали.

Но открытый бой дали нам астрономы. Нам — это, конечно, так только говорится. Отбивался Соловьев, а я мысленно аплодировал его остроумию, находчивости, его яркой, образной речи и умению широко и свободно мыслить. Он-то уж не принадлежал к таким специалистам, которых Козьма Прутков справедливо уподоблял флюсу — за одностороннюю полноту. Соловьев был прежде всего мыслителем, а не просто человеком, накопившим сумму знаний в определенной области. Он действительно знал «кое-что обо всем и все об одном». И этим он выгодно отличался от большинства своих противников.

— Но это же нелепо! — кричал, возмущаясь, один известный астроном. — Поймите, Арсений Михайлович, нелепо и несерьезно. Я даже не могу поверить, что вы сами-то полностью убеждены в том, что решается утверждать!

Соловьев добродушно засмеялся.

— Ну, зачем же мне было бы злить вас... да и не только вас! — мягко возразил он.

— Да помилуйте, Арсений Михайлович, вы же умный человек... вы же эрудит! — продолжал ужасаться его собеседник.

Это был плотный лысый человек. Сквозь стекла громадных очков в светлой оправе его темно-карие глаза сверкали искренним негодованием.

— Допустим, что я умный... допустим, что я эрудит... — согласился Соловьев. — Так что ж из этого? Вы все-таки скажите по существу, дорогой коллега, что вас не устраивает в моей гипотезе?

— Да все! — решительно заявил «дорогой коллега». — Все чушь, и вы сами превосходно это знаете!

Соловьев опять засмеялся, но уже не так добродушно.

— Вот, полюбуйтесь, Александр Николаевич, — обратил он ко мне. — Видите, как неопровержимо разбивают ваши пластинки?

Астроном обиделся.

— Если угодно, я могу по пунктам и в самом деле разбить всю эту легенду о пластинках и храме, — сухо сказал он.

Тут уж и я не выдержал.

— Простите, но пластинки и храм — вовсе не легенда, — тоже довольно сухо сказал я. — Они существуют в действительности, и с этим, как хотите, надо считаться.

Соловьев одобритительно подмигнул мне.

— Но, конечно же, наш дорогой собеседник вовсе не отрицает реальных фактов, — на очень мягких, почти бархатистых нотах заговорил он. — Просто он считает, что эти факты надо истолковывать совсем иначе, не так ли?

— Вот послушай, Маша, — говорил я. — Во-первых, что это за вулканы, которые действуют так строго периодически? Где ты видела такие?

— Не видела, но знаю! — торжествующе okazала Маша. — А вулкан Стромболи в Средиземном море?

Черт бы побрал этот вулкан, я о нем совсем забыл! А ведь еще в детстве про него читал!

— Ну, допустим, — продолжал я, несколько смущенно. — А почему же именно в предрассветные часы? Ведь эта новая серия вспышек выглядит совсем иначе — по периодичности и так далее, — а происходит опять-таки в предрассветное время?

— Этого я уж не знаю. Я же не изучала ни Марс, ни вулканы. Может быть, просто совпадение? Ведь может же быть такое?

— Слишком много совпадений! — недовольно сказал я. — А почему эти вспышки смещаются вдоль экватора? А почему вслед за ними в другом месте возникают разбросанные яркие вспышки? Нет, серьезно, Маша?

Маша пожала плечами.

средствами. Для шерпов за этим стоит и родовая легенда, и мрачный монах, охраняющий храм, и чудеса, которые произошли на их глазах. В конце концов, Мак-Кинли переменял тактику и сделал очень простой и жестоким ход: он напомнил Лакпа Чеди, что тот все равно уже выдал тайну и подлежит смерти. При этих словах Нима упала ничком на пол, а Лакпа Чеди сжался, будто ожидая удара, и губы у него посинели. Мак-Кинли

попал в самую точку, но я был зол на него. Я постарался смягчить действие этих жестоких слов и сказал, что на этот раз никто в экспедиции не пострадает, за это я вполне ручаюсь, так как у нас есть надежная защита.

После этого Лакпа Чеди долго сидел на корточках с застывшим лицом, бормоча молитвы. Мак-Кинли разглядывал все вокруг со спокойным неодобрением, а я разговаривал с Нимой, всячески стараясь ее утешить. Передал привет от вас — это ее видимо обрадовало, несмотря на весь ужас, который она испытывала, — а потом дал увеличенную фотографию Анга. Этот ваш подарок поверг ее в оцепенение. Нима даже побоялась взять фотографию в руки, и я положил ее на стол. Нима молча смотрела на портрет, и в глазах ее был ужас. Я уже подсадовал было на себя за бестактность. Но потом Нима глубоко, прерывисто вздохнула и сказала: «Туджи чей!» так искренно, что у меня даже глаза начало щипать. Поднялся Лакпа Чеди, подошел к столу и тоже долго смотрел на фотографию. Потом он повернулся к нам и очень тихо сказал, что согласен проводить экспедицию до самого ущелья.

— Маша, а какой у него был голос? Взволнованный?

— Взволнованный. Но, я бы сказала, какой-то обр-дованный, — ответила Маша.

Мы уселись у радиоприемника, я начал вертеть ручку настройки.

И вдруг мы услышали печальный и торжественный голос: «Наука требует жертв, — говорил кто-то по-русски с еле заметным акцентом. — И как ни велика наша скорбь о погибших — замечательных сынах Англии и их смелых спутниках, — но мы хотим надеяться, что гибель их не напрасна и что тайна Черной Смерти будет раскрыта».

У меня все внутри оборвалось. Я вскочил и дико уставился на Машу. Она тоже смотрела на меня с ужасом. Что же это? Они погибли? Пропали без вести? Что случилось?

Передача окончилась. Я побежал в коридор и начал названивать в радиокомитет. Там ответили, что никаких новых сведений об экспедиции не имеют, ничего на эту тему не передавали и что, скорее всего, я поймал какую-то зарубежную передачу на русском языке.

Бершадского я встретил чуть ли не воплем:

— Что с ними? Что вы знаете?

В голосе его прозвучало скорбное торжество. Мы недоумевали.

— Мой друг, — мягко, но настойчиво оказал Осборн, — поймите, нам не страшен гнев богов. Вы увидите, что мы все вернемся невредимыми. Вы можете остаться здесь, а мы пойдем в ущелье.

Шерпы с недоумением поглядели на него.

— Нет больше ущелья! — сказал Лакпа Чеди. — Нет храма, нет реки. Ничего нет. Гнев богов все уничтожил.

— Что они говорят? Что это значит? — спрашивали мы, не в силах еще поверить, что произошла катастрофа, что вмиг рухнули все наши замыслы, все наши надежды.

— Они говорят правду, джентльмены! — подтвердил Мак-Кинли. — Вы же видите, что здесь недавно произошло сильнейшее землетрясение.

Мы огляделись. Действительно, все кругом было сдвинуто, изломано, исковеркано, зияли трещины, высились нагромождения гигантских камней со свежими, не успешными обветриться изломами.

нанялась? Я ботаник, а не нянька, вот и все. И я все равно поеду с экспедицией, Соловьев мне обещал, так что это не твое дело!

Она сердито вытерла глаза платком и ушла, не прощаясь. Я вышел на балкон и растерянно посмотрел ей вслед. Она почти бежала по двору и казалась маленькой и тоненькой, как девочка, в своем сером спортивном костюме. Все-таки какая она странная! То веселая и насмешливая, то молчаливая и угрюмая; только что говорила со мной так, словно у нее за плечами уже долгая жизнь и накопилась усталость, и больше всего хочется покоя и уюта, а потом вдруг расплакалась, как обиженная школьница, и наговорила мне дерзостей, совсем по-детски.

Я попробовал поговорить с Соловьевым о Маше, но он был очень занят, да и просто не придавал особого значения моим переживаниям.

— Поверьте мне, — вы напрасно об этом столько думаете, — сказал он. — Я, конечно, вас понимаю, но все же... Не все ли равно, в конце концов, почему она хочет ехать с нами? Пользу она принесет, да и вам обоим будет все же поспокойней. Оставьте вы Машу в покое, не мучайте ее расспросами и, поверьте, все со временем уладится...

Мне больше ничего и не оставалось делать, как последовать совету Соловьева. Так и появился в составе нашей экспедиции еще один участник — ботаник Мария Сергеевна Батурина. Англичане называли ее — мисс Мэри, русские — кто по имени и отчеству, кто просто Машей.

И вот, наконец, мы покинули Москву и отправились в дальние края по следам Неведомого...

ЧАСТЬ III

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

С самого начала путешествия вплоть до дня, когда произошла катастрофа, я вел довольно подробный путевой дневник — уж настолько-то я оставался журналистом! Поэтому, я думаю, правильно будет, если я обращусь к дневнику с некоторыми необходимыми комментариями. Для немногочисленных корреспонденций, появлявшихся в нашей прессе, я использовал ничтожно малую долю этих записей, так что повториться не рискую. Но я опущу почти все записи, сделанные на корабле, потому что прямого отношения к делу они не имеют.

Приведу, пожалуй, одну из них. Но тут тоже нужны некоторые комментарии. Дело в том, что, плывя к берегам Южной Америки, мы все усиленно изучали испанский язык. Надо же было научиться хоть немного разговаривать с местным населением! Изучали мы язык самым практическим образом — зазубривали каждый день по два десятка слов, а потом всеми силами старались изъясняться

Все это я записываю, сидя в шезлонге на палубе. А тем временем Соловьев подсел к Осборну, и у них завязался очень оживленный разговор. О чем это они?

— ...Места всем хватит! — пылко говорит Осборн. — Мы еще далеко не использовали всех возможностей Земли. Циолковский подсчитал — на каждого человека приходится так много свободного пространства!

— Циолковский, однако, считает, — отвечает Соловьев, чуть приметно усмехаясь, — что это пространство нельзя практически использовать при современном состоянии человеческого общества. Нужно, чтоб все обитатели нашей планеты объединились для организованного выступления против стихий.

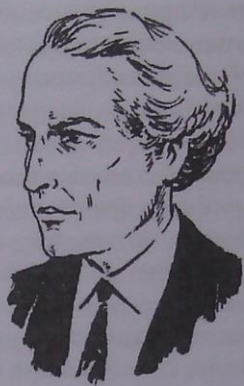
— Они объединятся! — убежденно восклицает Осборн. — Рано или поздно. Это ведь неизбежно. Правда, Арчибальд?

Мак-Кинли бормочет что-то в высшей степени неопределенное.

— Но даже и сейчас места на Земле хватит! — повторяет Осборн. — Ведь это событие обязательно объединит всех людей хоть на время.

Громадные серые глаза Осборна сияют мистическим огнем. Соловьев смотрит на него почти с нежностью. Наверное, Осборн у большинства вызывает именно это чувство, рожденное восхищением и тревогой. Даже суровый Мак-Кинли вряд ли только из деловых соображений опекает его, словно нянька...

За бортом равномерно и однообразно вздымаются зеленые пологие волны. Ни облачка на небе, ни клочка суши на горизонте. Вода и воздух, первозданные стихии, властвуют здесь безраздельно. Да, конечно, мало мы знаем о своей Земле! Тут и вправду могут быть ресурсы почти

29 ноября. Пишу на при
Идти было пока нетрудно. Н
не устал. Впрочем, до настоя
гор мы еще не дошли. Воздух
хладный, сухой, чистый, м
солнца. Мулы щиплют золоти
траву горных пастбищ, они
бредись далеко по крутому скл
Собирают их очень просто: в
дят мадрину (старую кобылу с
локольчиком на шее), и все м

покорно идут на звук ее колокольчика.

Как будет дальше? Примерный маршрут мы вып
тали еще по дороге в Чили, потом уточняли в Вальпара
и Сант-Яго. Наш проводник, молчаливый индеец с ум
и мрачным лицом, местность знает, по-видимому, хоро
ведет нас пока уверенно. Что будет дальше, посмотр
Плохо то, что мы не можем даже приблизительно наз
или определить местность, куда хотим добраться. Мы
казали Карлосу (так зовут проводника) точку на ка
и спросили, найдет ли он это место. Карлос долго гля
на карту, потом пожал плечами и сказал «Quien sabe
(это означает по-испански «Кто знает?») присловье это,
я уже заметил, здесь любят повторять). Мендоса гляде
карту с каким-то странным выражением лица и, види
очень волновался, даже переводил рассеянно и сбивчи
Мак-Кинли сделал ему замечание (он ведь знает исп
ский язык, а Карлос говорил по-испански). Почему М
доса так волнуется?

Вообще же настроение у всех хорошее. Сейчас д
немся дальше.

2 декабря. Мы устроили привал на небольшой п
щадке среди скалистых выступов. Мулов уже отпра
обратно, тропа кончилась.

Груз ташат носильщики пока очень бодро и без жал
Мендоса уверяет, что только в горах они и чувствуют с
людьми — тут они хоть едят вволю.

Мы теперь вступили в область *tierra fría* (холодная земля). И этот переход уже дает себя знать. Сегодня с утра было тихо и ясно, а к полудню поднялась настоящая буря — в лицо бил ледяной дождь, густой белый туман окутал все кругом, и в этом тумане яростно выл ветер. Мы цеплялись друг за друга — дорога и без того была нелегкой, а тут ноги скользят,

ничего не видно. Карлос сказал, что в это время года дождь в *пáрамос* бывает очень редко, значит, нам просто повезло. (*Пáрамос* — это горные луга, по которым мы шли днем.) Выше начинается пуна — высокогорная пустыня. Там уже не надо и специального везенья — климат и без того жуткий. Ее называют здесь *puna brava* — злая пуна. Уж там-то нам достанется как следует!

Когда туман рассеялся и ветер утих, мы, совершенно намучившись, остановились отдохнуть. У многих появились первые признаки горной болезни. Носильщики наломали смолистых веток адесмии — это основной вид топлива в здешних горах, — разожгли костры, и мы расположились отдыхать и просушиваться. Через некоторое время к нам приблизилось стадо овец. Два пастуха-индейца подошли к нашему костру. Постепенно завязалась беседа. Индейцы поинтересовались, куда и зачем мы идем. Мендоса вопросительно взглянул на нас; Соловьев посоветовал ему говорить правду. Пастухи выслушали его объяснения с важным видом, полузакрыв свои узкие, немного раскосые глаза. Потом старший из них неторопливо заговорил, чуть покачиваясь. Мендоса начал переводить, очень волнуясь. Да и все мы начали волноваться, услышав, о чем идет речь. Пастух рассказывал, что сюда в горы давно-давно прилетали Дети Солнца. Они прилетели на осколке солнца, и от их сияния люди слепли, а жар, исходивший от

Мы все трое легли на тропу и начали спускать Машу. Веревку мы надвязали, теперь ее должно было хватить. За поворотом показался Соловьев. Он быстро оценил ситуацию и тоже лег на тропу, схватив конец веревки у Пети Веневцева. Трудность состояла в том, что карниз был очень узок, у нас не было упора, чтоб тянуть, не было, за что зацепиться. К счастью, между мной и Петей по краю тропы тянулся выступ, вроде невысокого барьерчика. Я осторожно, стараясь не раскачивать веревку, отполз чуть-чуть назад и уперся в этот барьерчик. Все мы

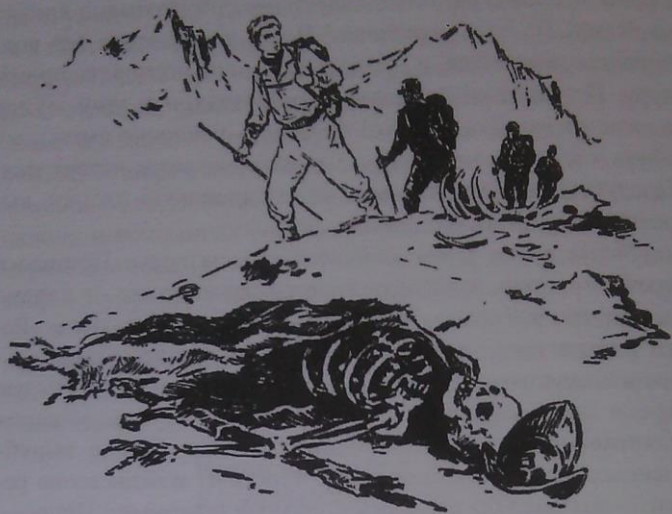
лежали боком к пропасти, тянуть было неудобно, я боялся, что под двойной тяжестью — Маши и чилийца — просто перекачусь в пропасть и потяну за собой остальных. Внизу, в темноте ущелья, я видел, как Маша, еле держась на выступе, обвязывает Мендосу веревкой, потом подносит к его губам походную фляжку, — значит, он жив. Потом я почувствовал легкое подергивание веревки — пора поднимать.

— Ну, давайте, товарищи, — сказал я и, откинувшись всем телом к стене, начал тянуть.

Ох, это были трудные минуты! Веревка до крови врезалась в руки, тело неудержимо скользило к краю пропасти, я снова отчаянными усилиями откидывался к каменной стене, упирался ногами в барьер и тянул, тянул, перехватывая веревку. Наконец, голова Маши показалась над краем тропы. Мы еще потянули, затем я обвязался веревкой и помог Маше выбраться на тропу. Потом Маша тоже легла на карниз, и мы все стали тащить Мендосу. Он был привязан к Маше короткой веревкой. Она нарочно так

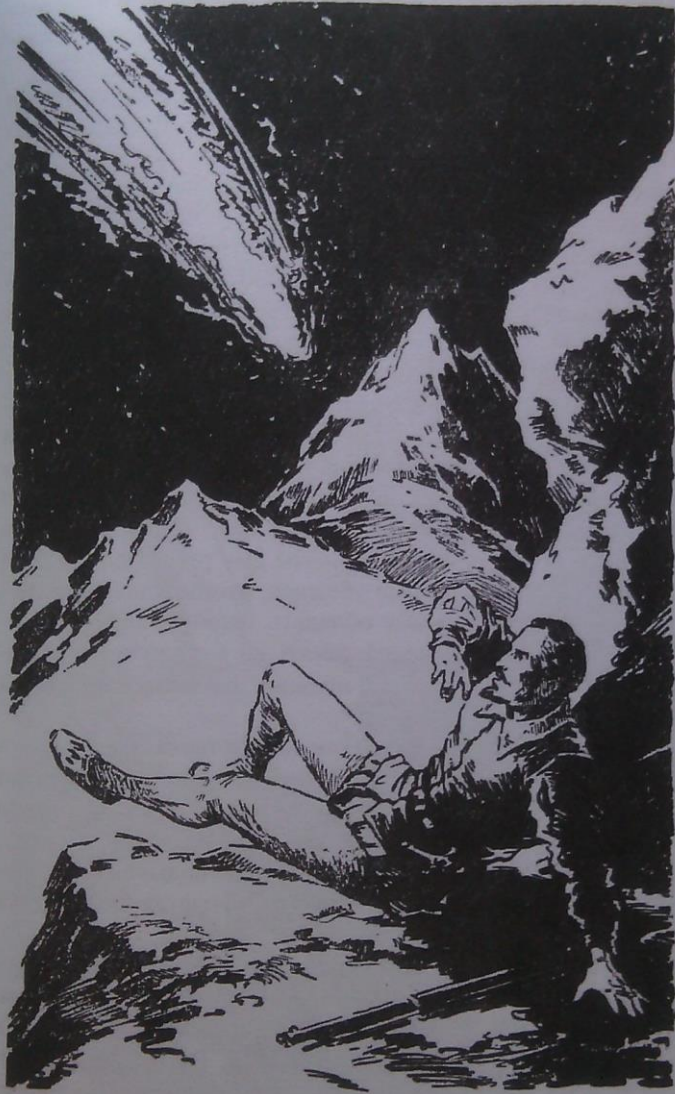

И что там, за кряжем? Может быть, такая же пустыня? На рассвете пойдем на штурм. Воды осталось меньше, чем на сутки. Но уже темнеет, и ночевать придется здесь.

Недавно наткнулись на следы трагедии, когда-то разыгравшейся в этом мрачном месте. Сначала — скелеты лошадей и мулов, поодиночке, на большом расстоянии друг от друга. Сохранились гривы, хвосты и серебряный набор сбруи. Мясо, должно быть, расклевали случайно залетевшие сюда коршуны. Потом человеческий скелет. Это был мужчина высокого роста. Рядом с ним лежал старинный меч в растрескавшихся кожаных ножнах, горсть золотых монет — испанских дублонов, кинжал с крестообразной рукояткой (вроде тех мизерикордий, которыми рыцари добивали побежденных противников на турнирах) и откатившийся в сторону стальной шлем конкистадоров. Лохмотья богатой испанской одежды, чудом сохранившейся в этой гигантской сушилке, лежали на костях. Он прошел всю долину и умер от жажды. Еще через несколько шагов, мы увидели два трупа, лежащих рядом, — тоже

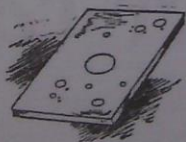
завалены. Они уже объездили всю Европу, Северную Америку, теперь поедут в Южную Америку, в Азию, в Африку, в Австралию. Они полны энтузиазма, и бесконечный этот путь их ничуть не пугает. Конечно, можно было бы составить еще одну «агитбригаду» такого типа, но ведь пластинка-то с фильмом, как выяснилось, одна! А это — самое важное и эффектное доказательство правоты их слов... Желаю вам успеха, друзья!

Луис Мендоса, где ты? Нашел ли ты свое счастье? Я знаю ты хороший человек. Мне рассказывали — ты, как ребенок, плакал, когда умерла Маша, и преданно ухаживал за мной, когда я лежал без сознания. Спасибо, Луис! Желаю тебе счастья, которого ты так страстно ищешь.

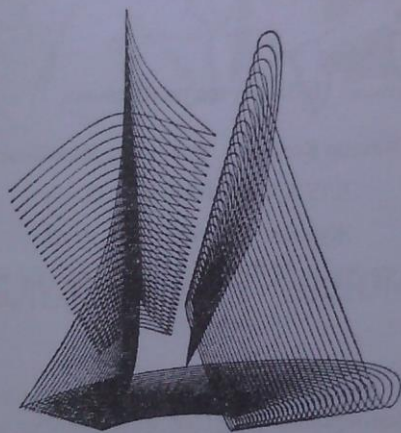
Привет вам, друзья, с кем вместе я мерз и задыхался от жажды, карабкался на мертвые красные скалы и разбирал драгоценные трофеи. Может быть, скоро мы снова встретимся в Гималаях или в Андах, на Памире или в Антарктиде: кто знает, куда занесет нас судьба на этот раз!

Я оглядываюсь на прожитый год — двадцать седьмой год моей жизни. В нем столько трагедий, столько невозвратимых, тяжелых утрат, что, казалось бы, и вспоминать его не следует, надо оттеснить память о нем в самые дальние уголки сознания. Но то, что случилось со мной, то, что узнало все человечество, нельзя перечеркнуть никакими личными трагедиями, никакими смертями.

Двери в Неизвестное открылись. Пожелаем же успеха тем, кто смело пойдет по этим неведомым путям, ища путь к нашим далеким братьям!

РАССКАЗЫ

1961-1973

Виктор Комаров, Владимир Шрейберг

БЛУЖДАЮЩАЯ ЧАСТОТА

Научно-фантастический рассказ

Публикуется по изданию:

Виктор Комаров, Владимир Шрейберг

БЛУЖДАЮЩАЯ ЧАСТОТА

Журнал «Искатель», М., 1961

№ 4 (стр. 132-145)

Художник В. Назаров

БЛУЖДАЮЩАЯ ЧАСТОТА

Сообщение было коротким: «В Институте, почтовый ящик №... в лаборатории № 15 из экспериментальной радиоустановки исчез секретный блок». Полковник Соболев немедленно выехал на место происшествия.

Получилось так, что после нескольких удачно проведенных расследований подобного рода Павлу Александровичу стали систематически поручать дела, связанные с наукой. Товарищи по работе в шутку называли полковника «академиком». И, надо сказать, это ему нравилось...

...В лаборатории № 15 навстречу Соболеву поднялся из-за стола высокий, худощавый, весь какой-то помятый человек. Костюм новый, но рукава уже кое-где прожжены, видимо паяльником. Одно из стекол очков надтреснуто.

«Работяга. За собой не очень-то следит», — отметил полковник.

— Вы не видели, куда я дел ключ? — спросил Максимов...

Теперь вас, конечно, интересует, как мы взяли «приятеля».

Он сам пришел. Не мог не прийти: без блока ему нельзя было возвращаться туда...

После того как мы пустили слух, что Сергеев в длительной командировке, а во всем виноват умерший Брагин, он немного успокоился и вскоре, как я и рассчитывал, возобновил свои действия. К кому он мог обратиться? Только к Авдееву.

Когда тот понял, чьим оружием чуть было не стал, он только и мечтал, как бы загладить вину, как бы помочь...

Вот, собственно, и все. «Приятель» снова пришел к Авдееву. Авдеев, конечно, не знал, где его искать — тот всегда разыскивал его сам...

А когда он пришел, мы его ждали.

— Н-да... — только и произнес Максимов.

Павел Александрович улыбнулся и сказал:

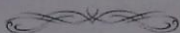
— А помните, дорогой Иван Иванович, ведь вы совсем недавно считали, что все это «шуточки», а?..

Виктор Комаров
ВСЕ МОЖЕТ БЫТЬ...

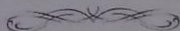
Научно-фантастический рассказ

Публикуется по изданию:

Виктор Комаров
ВСЕ МОЖЕТ БЫТЬ...

Журнал «Земля и Вселенная», 1970
№ 3 (стр. 80-86)

ВСЕ МОЖЕТ БЫТЬ...

До выхода из подпространства оставалось всего полторы минуты. И вдруг что-то произошло. Метнулись, словно испугавшись, стрелки приборов, выскочили за шкалы, уперлись в ограничители, задрожали. Откуда-то изнутри звездолета вырвалось глухое гудение. Оно угрожающе нарастало, превращаясь в раздирающий пронзительный свист. Казалось, сейчас лопнет металл. За толстыми полупрозрачными щитками иллюминаторов вспыхнуло ослепительно-синее сияние.

Но люди ничего этого не видели и не ощущали. Они лежали в ионизационных ваннах под наркозом, нечувствительные к происходящему. Звездолет вели автоматы.

Свист достиг невыносимо высокой ноты и резко оборвался. Тотчас вернулись к прежним делениям бесчислен-

одн
дас
вож
сд
сод
сте
но
пр
ка
в н
пр
и
но
вс
д
д
о

Но ответа по-прежнему не было.

— Куда же все-таки пропал космодром? — спросил Рон.

— Возможно, накопилась ошибка в молекулярном генераторе, — предположил Анс, — и в результате мы неправильно определились.

— В генераторе? — удивилась Ола. — За шесть лет? В худшем случае какая-нибудь тысячная секунды...

Анс ничего не ответил; он провел рукой по карману комбинезона, где лежал рулончик с записью контрольного регистратора.

— А вы ничего не чувствуете? — тревожно спросила Ола.

Анс и Рон вопросительно посмотрели на нее.

— Дышать как-то тяжело, словно мы на большой высоте.

— В самом деле, — согласился Рон. — Я тоже ощущаю какое-то стеснение.

— Может быть, мы на каком-нибудь высокогорном озере? — предположила Ола.

— Что-то не знаю я горных озер такого размера, — с сомнением сказал Анс.

Три посланца Земли со сверкающими медалями на груди молча стояли перед возбужденной толпой, которая восторженно приветствовала победителей популярного традиционного конкурса на лучшую мистификацию года.

В этот момент они думали о том, что совсем не так просто установить контакт с другой цивилизацией, даже если эта цивилизация похожа на земную, как две капли воды.

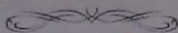

Виктор Комаров

ДУША

Научно-фантастический рассказ

Публикуется по изданию:

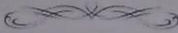
Виктор Комаров

ДУША

Сборник «Сегодня вечером»
М.: Детская литература, 1968 г.
(стр. 69-74)

Художник А. Шадзевский

— И
ду... Д
Слов
фраг по
ловых с
— П
вский
и раз
та Ме
и...
Не п
и...а

ДУША

— И тогда господь вдохнул в человека бессмертную душу... Душа — величайшее из сокровищ...

Слова проповедника медленно расплывались в полумраке под сводами костела и оттуда падали вниз, на притихших слушателей, гулкие и весомые.

— Появляясь на свет в момент, угодный господу, каждый из нас обретает душу. И это позволяет нам ощущать радости дружбы и любви к ближнему, — продолжал отец Мелани, — наслаждаться, стремиться, испытывать счастье...

Не переставая говорить, отец Мелани то и дело поглядывал в зал. Еще в самом начале службы он заметил,

— Поразительно, — пробормотал он. — Значит, не только роботы, но и люди могут быть без души. А как же то, что говорил священник?

Поздно ночью он добрался до одинокого домика в горах, в котором жил Математик. Переступив порог, Конструктор со звоном упал на колени и простер к Математике руки. Математик оторвался от рукописи и с удивлением посмотрел на коленопреклоненного робота.

— За что такие королевские почести? — осведомился он с улыбкой.

— Я видел — люди именно так обращаются с просьбами к тому, кого они называют своим творцом. Мой творец — вы.

— Ах, вот оно что! — рассмеялся Математик. — И чего же ты хочешь от меня?

— Душу... Дайте мне душу.

— Душу? — переспросил Математик, сразу став серьезным. — Но душу нельзя ни дать, ни взять. Ведь то, что люди называют душой, — это все, что есть в человеке. Все плохое и хорошее. Душу может дать человеку только сама жизнь, общение с другими людьми...

— С людьми? — переспросил Конструктор. — Но я...

И он начал рассказывать Математику о своих поисках.

— Чего же ты еще хочешь? — улыбнулся Математик, когда Конструктор умолк. — Ты на верном пути. Если ты уже научился отличать плохое от хорошего... Одним словом — поздравляю.

И он протянул Конструктору руку. Тот осторожно пожал ее, и губы робота впервые за все время его существования сами собой сложились в улыбку.

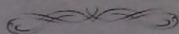

Виктор Комаров, Владимир Шрейберг

ОТСТУПЛЕНИЕ ХРОНОСА

Научно-фантастический рассказ

Публикуется по изданию:

Виктор Комаров, Владимир Шрейберг

ОТСТУПЛЕНИЕ ХРОНОСА

Сборник «Земля и Вселенная»

М.: Знание, 1966 г.

(стр. 266-284)

ОТСТУПЛЕНИЕ ХРОНОСА

За прозрачной стеной кабинета синели горы. Их серебряные вершины быстро таяли, растворяясь в стремительно сгущавшемся сумраке южной ночи, и постепенно сливались с небом. Один за другим, навстречу зажигающимся в небе звездам, раскрывались купола астрономических башен.

Взгляд Романова скользнул по знакомой панораме и задержался на одной из дальних вершин, где равномерно вспыхивал рубиновый огонек — космический маяк. Суждено ли ему увидеть этот свет Земли, когда он будет возвращаться на родную планету? Впрочем, ведь еще ничего не решено и все зависит от него. Только от него.

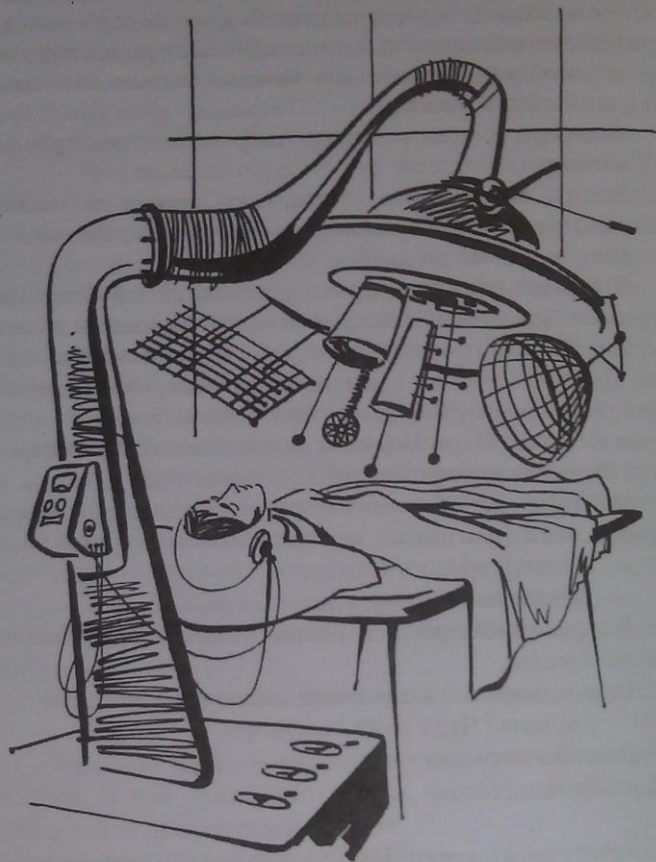
Романов вдруг поймал себя на том, что застывшие громады гор уже не в первый раз заставляют его думать о времени.

Время... Оно до сих пор не отступает перед людьми. В этом есть мысль: живи он в Древней Греции, наверняка из всех богов поклонялся бы одному, самому могущественному — Хроносу — времени.

Марина поднесла руку в перчатке к шлему и открыла экран.

На белом столе лежит неподвижная Марина...

лать? И ты сделала... Но... И Марина тоже не пожалела жизни, чтобы овладеть тайной Эл-волн. Но она будет спасена. Я спасу ее... Нет, не я — мы, мы с Лидой.

С того дня прошло всего около месяца. Генератор, построенный Лидой, оказался совершенным. Потребовались лишь незначительные доделки.

Романов снова взглянул на фигурку Хроноса... А победил ли неумолимый бог Лиду в самом деле? Да, она ушла из жизни, но, уйдя, она успела оставить то, что сейчас так поможет ему, людям: новый генератор. Тот самый генератор Эл-волн с «веером» частот, о котором они с Зубковым мечтали на обратном пути...

Пора!..

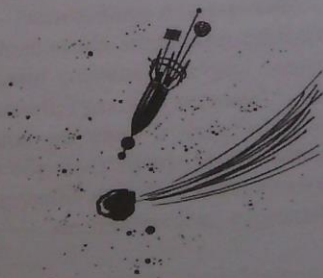
Романов решительно прошел в зал генератора. На белом столе, под причудливо изогнутым волноводом генератора лежала неподвижная Марина. Романов обвел взглядом присутствующих и спокойно перевел рычаг. В генератор Эл-волн пошел ток!..

Романов был уверен. Он смотрел на ленту регистратора и видел, как постепенно кривые перестают метаться, как в них устанавливается порядок, ритм. Ритм жизни.

Он видел: Хронос отступает...

И в этот решающий момент он думал о Лиде и повторял про себя:

— Да, Лида... Все-таки Хронос отступает!..

Виктор Комаров
ПЕРЕВОРОТ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ

Научно-фантастический рассказ

Публикуется по изданию:

Виктор Комаров
ПЕРЕВОРОТ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ
Сборник научной фантастики, Вып. 12
М.: Знание, 1972 г.
(стр. 16-24)

Художник Н. Гришин

ПЕРЕВОРОТ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ

Маленький диск Солнца опустился совсем низко над горизонтом и, как всегда, сделался красновато-фиолетовым. Для земного человеческого глаза все на этой планете выглядело неестественным. Но хуже всего были эти красновато-фиолетовые закаты, наводившие неистребимую тоску...

Впрочем, Клей все это нисколько не угнетало. За два года первого в своей жизни космического дежурства он еще не успел утратить интерес к необычному.

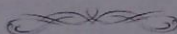
Клей медленно переступал по тропинке, поднимавшейся к базовому домику. В руках он нес небольшой темный шар, размером чуть больше бильярдного...

Наконец Клей добрался до крыльца и тяжело поднялся по ступенькам. Отдуваясь, словно после трудной

Виктор Комаров

СЮРПРИЗ

Научно-фантастический рассказ

Публикуется по изданию:

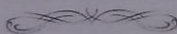
Виктор Комаров

СЮРПРИЗ

В. Комаров «Новая занимательная астрономия»

М.: Наука, 1972 г.

(стр. 207-213)

СЮРПРИЗ

— Все это чепуха! — убежденно сказал профессор Вунш. — Эти нелепые медузы и каракатицы, и не менее нелепые осьминоги... Вообще все эти чудовища. Видит бог — чепуха. Уверяю вас, Басби, если где-нибудь во Вселенной и есть разумные существа, то они похожи на нас с вами. Да, да, Басби, они созданы по нашему образу и подобию...

— Послушать вас, Фред, — улыбнулся Басби, — и в самом деле придешь к заключению, что есть бог...

Вунш рассмеялся своим резким заразительным смехом.

— Природа, Дик, стихия... Но есть правила: борьба за жизнь и естественный отбор. Неизменные правила этой азартной игры, в которую играет Вселенная.

— Между прочим, в один и тот же хоккей в Европе и в Канаде играют по разным правилам.

— Понимаю... Разумеется, мир разнообразен. Кто же с этим спорит. Но, в конце концов, вся разница только в нюансах, дорогой Басби... Несмотря на мелкие различия, хоккей все-таки остается хоккеем и в Европе и в Америке. Он один и тот же.

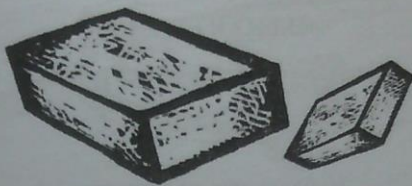

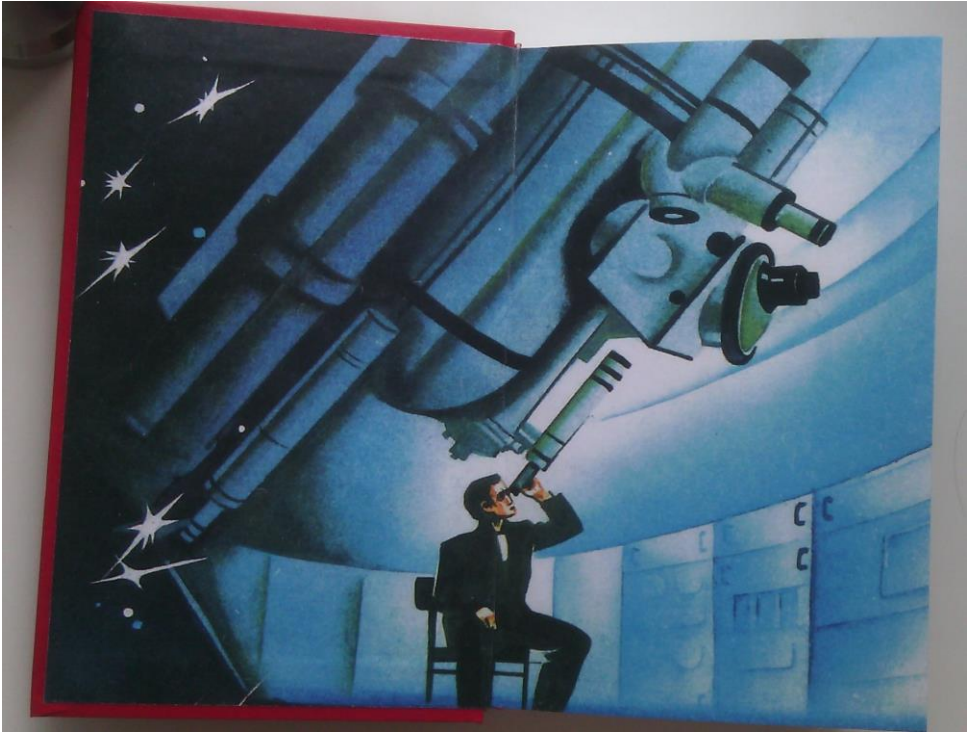
Фотографии выпорхнули из рук профессора...

Когда последние розовые отблески погасли высоко в небе, Вунш устало спросил:

— Зачем вы это сделали, Басби? Ведь я...

— Да, вы проиграли, профессор Вунш, — усмехнулся Басби. — Но я заботился о престиже нашей планеты...

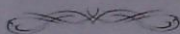

Виктор Комаров
ЧЕРНАЯ БЕЗДНА

Научно-фантастический рассказ

Публикуется по изданию:

Виктор Комаров
ЧЕРНАЯ БЕЗДНА

В. Комаров «Новая занимательная астрономия»
М.: Наука, 1972 г.
(стр. 178-187)

ЧЕРНАЯ БЕЗДНА

Часы пробили десять утренних ударов, и Берт Финней, отодвинув недопитую чашку кофе, вскочил из-за стола. В десять сорок пять ему предстояло взять интервью у Массимо Доротти. У самого Массимо Доротти, знаменитого физика, к которому безуспешно пытались про-рваться многие журналисты. Берту просто чертовски по-везло — интервью обещало сенсацию...

Вслед за Бертом поднялся из-за стола и Кертис Хоук, известный писатель, старый друг Финнея, гостивший у него в эту неделю. Стелла, жена Берта, проводила муж-чин на крыльцо.

— Берт, ты не забыл сегодня мы в концерте? — напомнила она.

Но мысли Берта были уже далеко.

— Ну, конечно, дорогая, — сказал он рассеянно и до-бавил, обращаясь к Хоуку: — Кертис, ты, кажется, соби-рался в город. Могу подбросить.

— Что ж, поехали...

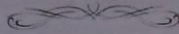
Финней быстро залил бензин...

Виктор Комаров

ЭКСПЕРИМЕНТ

Научно-фантастический рассказ

Публикуется по изданию:

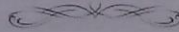
Виктор Комаров

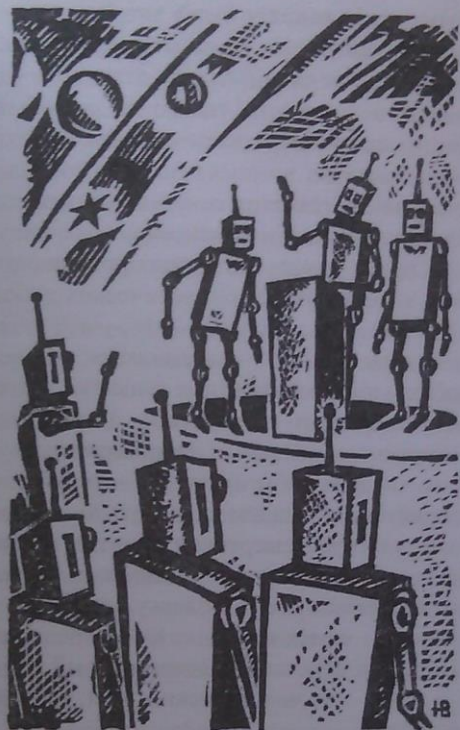
ЭКСПЕРИМЕНТ

В. Комаров «Новая занимательная астрономия»

М.: Наука, 1972 г.

(стр. 201-205)

ЭКСПЕРИМЕНТ

— Зонд восемь тысяч триста четырнадцатый передал, что земляне готовят большую экспедицию на нашу планету, — бесстрастным голосом сообщил докладчик.

Присутствовавшие в зале Совета хранили невозмутимое молчание. Они продолжали стоять ровными, аккуратными рядами, словно солдаты в строю. Никто не шелухнулся, никто не нарушил безукоризненной геометрии.

— То есть как? — задохнулся докладчик. — Объяснитесь...

Громадный робот темно-рыжего цвета, с тронутыми коррозией боками, медленно выдвинулся вперед и повернулся к залу. Это был один из самых древних обитателей планеты.

— Слушайте, слушайте! — пронеслось по рядам.

— Так вот, сограждане, — неторопливо заговорил пожилой робот, — к сожалению, должен вас разочаровать. Все биологические зародыши, которые мы в свое время доставили на Землю, погибли уже в течение первого миллиона лет. Все до единого...

— Не может быть, — прокатилось по залу.

— Но это так, — спокойно повторил темно-рыжий гигант. — В свое время мне было поручено следить за ходом событий. Все материалы и сейчас хранятся в нашей лаборатории. Карточки на каждый зародыш. И все закрыты...

— А как же земные организмы? Как же люди?

— Жизнь на Земле возникла сама. Из неживой материи. И сама развивалась.

— Почему же вы раньше молчали? — возмущенно загудел зал.

— Правда была слишком опасна, слишком многое у нас было связано с этим экспериментом.

Наступила напряженная тишина. И лишь тревожное мерцание сигнальных лампочек указывало на то, что роботы селятся переосмыслить неожиданную новость.

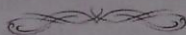
Молчание нарушил молодой робот, все еще продолжавший стоять рядом с онемевшим докладчиком:

— Теперь все понятно. Логика есть логика — от нее куда не денешься. Это нас кто-то создал ради эксперимента...

Виктор Комаров
ЭЛЕКТРОННЫЙ БОГ
Научно-фантастический рассказ

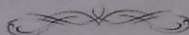

Публикуется по изданию:

Виктор Комаров
ЭЛЕКТРОННЫЙ БОГ
Журнал «Наука и религия», М., 1964
№ 7 (стр. 16-23)

Художник Н. Воронков

ЭЛЕКТРОННЫЙ БОГ

— Я пригласил вас, господин Морале, чтобы дать ответственное, почетное и необычное задание, — кардинал Ранцони с высоты своего роста загадочно посмотрел на стоявшего перед ним тщедушного человечка средних лет. — Вам предстоит сконструировать «бога»...

— Но, монсеньор... — растерянно заморгал Морале. Он истинно верил, служил в католической Академии наук недавно и все принимал всерьез.

Кардинал усмехнулся:

— Ну, разумеется, разумеется, господин Морале. Мои слова не следует принимать буквально. Вам не придется создавать заново самого господа. Вы должны сконструировать лишь его, так сказать, математическое выражение.

— Но, монсеньор... Бог не поддается математической обработке.

— Разумеется, вы правы, господин Морале, — кардинал явно забавлялся наивностью своего собеседника, — но вам и не понадобится облекать нашего всемогущего и всемилостивейшего господа в математические формулы.

И стоило только кардиналу вспомнить о боге, как в его сознании ясно прозвучали слова, произнесенные знакомым голосом машины:

— Бог и наука несовместимы. Наука доказывает — бога нет.

«Вот до чего дошло дело», — подумал Ранцони и мысленно попытался возразить стереотипной фразой:

— Можно ли доверять науке? Истины ее преходящи. Истины религии вечны и незыблемы.

— Незыблемы потому, что ложны, — отпарировала машина.

— А священное писание?

— Полно противоречий... Откуда взялась женщина? — неожиданно задала вопрос машина.

— Бог сотворил ее из ребра Адамова, — машинально ответил кардинал. — Так говорит библия.

— Но в той же библии сказано, что бог сотворил мужчину и жен-

шайте, господин кардинал, счастливо оставаться в одиночестве.

Ранцони проводил взглядом математика, а когда дверь за ним закрылась, усмехнулся.

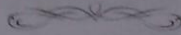
— Предпоследний, — бормотал он, — предпоследний! Не предпоследний, а последний. Ведь сам-то я...

Виктор Комаров

ЭТЮДНОЕ РЕШЕНИЕ

Научно-фантастический рассказ

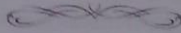
Публикуется по изданию:

Виктор Комаров

ЭТЮДНОЕ РЕШЕНИЕ

Журнал «Земля и вселенная», М., 1973

№ 2 (стр. 72-76)

Художник В. Вандр

ЭТЮДНОЕ РЕШЕНИЕ

Транспортный звездолет «Омикрон» совершал очередной рейс к Мегосу, имея на борту двенадцать человек экипажа и 360 пассажиров. Капитан Менг и штурман Гасконди молча смотрели на табло и оба отчетливо понимали, что положение безвыходное... Ошибка произошла в момент выхода из гиперпространства. Что-то не сработало в сложном хозяйстве автоматического управления кораблем.

возможно, и отыщется вариант, не учтенный классической навигацией.

Во всяком случае, искать надо. Но как убедить Гасконди? Штурман он отличный и работает безошибочно. Менг не помнил случая, чтобы Гасконди хоть в чем-то отклонился от «Инструкции». Но в этом

было и его уязвимое место. Тому, кто совершает ошибки и умеет их исправлять, волей-неволей приходится действовать в непредусмотренных ситуациях, Гасконди же поклонялся одному непогрешимому и всемогущему богу — «Инструкции».

— Увы, его мозг, — с сожалением подумал капитан, — не запрограммирован на открытие нового... И еще с сожалением подумал о том, что всегда больше увлекался инженерной стороной дела, а теории движения космических кораблей уделял значительно меньше внимания. Основы, разумеется, он знал достаточно хорошо и при случае вполне мог бы заменить Гасконди, но сейчас этих знаний было недостаточно...

— Предлагаешь ждать? — спросил Менг, отвернувшись. — Вот так сидеть и ждать, пока не кончится?..

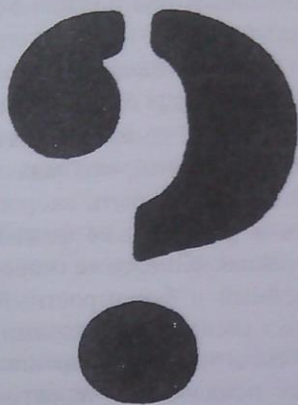
— Я предлагаю послать SOS, — угрюмо повторил штурман. — Как того требует «Инструкция».

— Нет, — отрезал Менг. — Сообщить о своей гибели мы еще успеем. А пока мы с тобой обязаны что-то предпринять... Даже вопреки всем инструкциям.

Гасконди обиженно поджал губы.

— Хотел бы я посмотреть...

Менг встал и подошел к штурманскому креслу:

С какой скоростью должна бежать собака?..

койствие в такой сложной ситуации? Должно быть, он умеет видеть намного дальше других...

— В том-то вся и штука, — повторил Вель. — Притяжение в данном случае работает на нас. Чем массивнее звезда или планета, тем скорее будет достигнута скорость освобождения. В том-то и парадокс!

— Сколько же часов нам потребуется? — спросил Менг.

— Думаю... часа полтора, не больше.

— Вы гений, — улыбнулся капитан и занял место у пульта.

— Надо только выбрать оптимальные моменты для разделения и сближения, — предупредил Вель.

— Понимаю, — отозвался Менг, нажимая клавиши вычислителя. — Приступаю к операции через шесть минут...

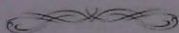
Это было невиданное зрелище. Гигантский звездолет как бы распался на две части. Они то расходились, отделяясь друг от друга, то снова сближались, объединяясь в единое целое. И в процессе этого небывалого «космического танца» смертельная орбита, по которой двигался «Омикрон» стала постепенно раскручиваться.

Могучая стихия тяготения, подчинившись силе человеческого разума, уверенно уводила звездолет все дальше и дальше от угрожающей звезды.

Виктор Комаров
ЯБЛОКИ ПАДАЮТ ВСЕГДА!..

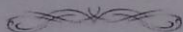
Научно-фантастический рассказ

Публикуется по изданию:

Виктор Комаров
ЯБЛОКИ ПАДАЮТ ВСЕГДА!..

Сборник «Эстрада», Вып. 2
М.: Советская Россия, 1968 г.
(стр. 39-41)

ЯБЛОКИ ПАДАЮТ ВСЕГДА!..

Некоторые утверждают, что великие открытия — дело случая. Так сказать — кому счастье улыбается... Увидел Ньютон, как с дерева упало яблоко, и открыл закон тяготения. Повезло! А то люди долго бы еще не знали, почему их Земля держит...

«Господин случай» и в самом деле необыкновенно изобретателен. Иногда поставит такой спектакль, что ни один автор не придумает. Но что касается везения...

Вот какая история произошла с одним моим знакомым, Владимиром Сергеевичем. Есть у него сын Саша — любознательный такой парнишка, лет двенадцати. Увлекается химией.

До формул Саша еще не дорос и потому действует по старинке. Смешивает и смотрит, что будет. И чего только не бывает! Три раза в квартире вылетали стекла, дважды

У Владимира Сергеевича опустились руки.

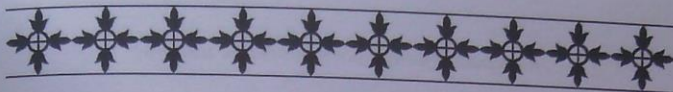
— Вашему сыну, — продолжал физик, — просто необыкновенно повезло. По теории вероятности, в следующий раз это может произойти только через несколько миллионов лет.

— Но ведь было же, было... — горестно повторил Владимир Сергеевич, дотрагиваясь рукой до новых волос. — Подумать только, держал в руках...

Говорят, Владимир Сергеевич продолжает каждый день покупать коробку «Химика-любителя». Но о чудодейственном эликсире пока ничего не слышно. Миллионы жаждущих страдальцев все еще остаются лысыми.

А вы говорите — везение... Между прочим, яблоки падали с деревьев и до Ньютона!

СОДЕРЖАНИЕ

По следам неведомого	5
<i>Научно-фантастический роман</i>	

Рассказы (1961 – 1973гг.)

Блуждающая частота	319
Электронный бог	341
Отступление хроноса	361
Душа	395
Яблоки падают всегда!	403
Переворот откладывается	409
Сюрприз	421
Черная бездна	431
Эксперимент	443
Этюдное решение	449
Все может быть...	463

Литературно-художественное издание
Библиотека приключений и научной фантастики

Для среднего и старшего возраста

Ариадна Григорьевна Громова

Виктор Ноевич Комаров

ПО СЛЕДАМ НЕВЕДОМОГО

Научно-фантастический роман

* * *

Виктор Ноевич Комаров

РАССКАЗЫ (1961 – 1973)

Научно-фантастические рассказы

Тираж 40 экз.

На правах рукописи.
Не для коммерческого использования